

ране он пишет вскользь, распространяя версию английских резидентов: происшествие прискорбное, но в нём виноваты азиатский фанатизм и сами погибшие.

Записки написаны по устоявшемуся трафарету книг о Востоке, они малоинтересны, если бы не одна особенность: автор сравнительно много места уделяет своему знакомству с мобедами – зороастрийскими жрецами-магами. Пишет о них с симпатией: люди они великодушные, обладающие тайным знанием, неутомимые труженики, уверенные, что добрыми делами можно искоренить любое зло. Добро победит, если следовать трём заповедям: благие мысли, благие слова, благие дела.

Богослужения мобеда совершают высоко в горах, где нет ни храмов, ни алтарей, ни статуй, ни икон. Запирать внутри стен богов, чья обитель весь мир, полагают жрецы, по меньшей мере странно. Мы не считаем огонь богом, объясняют мобеда. Мы молимся богу посредством огня, как христиане молятся перед распятием. Мы гордимся, что именно наши маги – волхвы – пришли поклониться младенцу Христу в Вифлееме.

Автор утверждал, что был свидетелем чудес, которые совершали мобеда. Один из них собирал растёкшуюся воду; другой сидел под проливным дождём и на него не упала ни одна капля. Австриец заметил, что христианские апостолы творили и большие чудеса. Например, ходили по водам. На что маг невозмутимо парировал: если бы апостолы более преуспели в истинном знании, то ходили бы по воздуху.

Интерес Грибоедова к мистике не случаен. Персия была страной не только всевластных шахов, раем обетованным для торговцев, но родиной Зороастра, считавшегося одним из духовных отцов европейских масонов. Грибоедов состоял в двух масонских ложах в Петербурге. В списке ложи "Соединённые Друзья" его имя значилось рядом с именем Чаадаева.

Вполне вероятно, что в Тебризе или во время поездок по Персии поэт мог познакомиться с мобедами. Не исключено, что в бумагах разгромленной в Тегеране российской миссии – они были до клочка, до лоскутка скрупулёзно собраны и доставлены шаху – скрыто нечто такое, что могло бы пролить свет на отношения Грибоедова и зороастрийцев. Американско-канадская славистка Э. Харден, занимавшаяся судьбой и творчеством поэта, получила в своё время заверения, что ей позволят посмотреть "русские бумаги", связанные с Грибоедовым. По словам исследовательницы, ей "много обещали, но ничего не открыли". Из Тегерана она уехала с пустыми руками, но с твёрдым убеждением: бумаги сохранились и пока тихо истлевают в архиве.

И следы отыскались.

В ПАРИЖЕ ВЫШЛА КНИГА "МАЗДЕИЗМ. Современные исследования Зороастра". В ней приведён рассказ зороастрийца, нашего современника, записанный русским литератором Юрием Терапиано. Когда впервые прочитал запись рассказа, был ошеломлён. Настолько он ясен, чётко и независим от всего, что знаем о поэте.

Ещё во время своего первого приезда в Персию, рассказал зороастриец писателю, Грибоедов обратил на себя наше внимание. Он был человеком, исключительно одарённым в духовной области. У него было то, что мы называем фарн – божественная благодать. Во что бы то ни стало Грибоедов должен был пойти этим путём. У себя на родине он уже принадлежал к духовному братству, но у вас люди редко доходят до "Конечной Цели" в своих исканиях.

Грибоедов был одним из тех людей, для которых связанность внешними обстоятельствами не могла явиться препятствием; он легко бы нашёл в себе силы порвать со всем, если бы не одно обстоятельство. Грибоедов был связан внутренне: он хотел писать, хотел выразить то, что ему часто не удавалось. Блестяще образованный, тонкий и умный человек, он не был по-настоящему одарён в той области, в которой ему этого хотелось.

Но у нас есть свои способы: при помощи некоторых средств можно на время вызвать в человеке искус-

ственную гениальность. Одно нельзя сделать – удержать это состояние навсегда...

Прервём рассказ священнослужителя.

Одно из ритуальных средств, вызывающих "искусственную гениальность", – божественная хаома: эликсир бессмертия, царь всех лекарств, бальзам поэтов. *"Как наездник погоняет лошадь, – говорится в одной из священных книг, – так хаома возбуждает песню"*. Современные исследования подтвердили: золотистая хаома, приготовленная из *Salvia Persepolitana*, растения, встречающегося только в Персии, раскрепощает сознание, стимулирует ассоциативно-образное восприятие мира.

Вернёмся к рассказу зороастрийца. *Грибоедов дал согласие на такой опыт и видел во сне план своей будущей комедии, которая стала знаменитой в России. Но написав её, он окончательно исчерпал себя как писатель и больше не мог создать ничего такого же замечательного. Несколькими годами он ещё колебался, но, наконец, понял свой Путь. Даже любовь к жене его больше не удерживала. Он порвал цепи и под другим именем долго ещё жил в нашей стране, никем не тревожимый...*

Что касается тегеранского мятёжа, то о нём знали заранее, и всё было подготовлено. Поэт храбро сражался, был ранен, потерял сознание. Изрубленное и нарочно изуродованное тело "опознали" по искалеченной руке: скорее всего, была осуществлена подмена трупа.

Что можно добавить к рассказу, всплывшему со страниц книги, изданной в Париже? Легенда ли это? Или же всё так и произошло в действительности? Именно зороастрийцы сумели нащупать самое главное в личности Грибоедова: он был свободный человек и свободно выбирал добро, зло, красоту.

"ГРИБОЕДОВСКАЯ ИСТОРИЯ", как называл про себя семейное предание, услышанное в доме бухарского ювелира, закончилась для меня далеко от Бухары, Москвы и Парижа – на Западном Памире. Летом я работал с гидрологами в ущелье реки Бартанг. Быт памирцев, полагают этнографы, сохранился почти в неприкосновенности с глубокой древности. Как при огненном пророке, горцы клянутся головой Ормузда, верят в светлых дивов, борющихся в их сердцах с Ахриманом, началом всяческой тьмы и зла. У них сохранились десятки обрядов, связанных с почитанием огня.

В то утро я не заметил, как к скалам, высившимся над крутым речным берегом, подошли два старика и

мальчик. Эти скалы я хорошо знал: тропа обтекала их и, проходя мимо, обычно останавливался, разглядывая изображения людей, грубо высеченных на камне, покрытом "горным загаром".

Старики и мальчик собрали хворост, сложили его, подожгли и начали молиться. Они поклонялись огню, как их предки. Прошлое соединилось с настоящим, словно не прошли тысячелетия и люди, изображённые на скалах, вовсе не умерли, а жили в этих старцах. Как, вероятно, будут жить в этом мальчике, пришедшем с ними и повторяющем, как они, слова древней молитвы.

Зороастрийцы ушли так же бесшумно, как появились. Они прошли совсем близко, и я поразился их росту, ясным глазам и необычным чертам лица.

Я спустился к скале, которую покинули огнепоклонники. Огонь догорал. Серо-голубая струйка поднималась к небу тонко и прямо. Смотрел на замиравший огонь, на вечные снега, маячившие вверху, как облака, на глубокие тени от каменных громад, ложившиеся на береговую зелень.

Никакие самые фантастические мысли не казались сейчас глупыми и нелепыми. Всплыло, словно проявилось, без всякого моего желанья и усилия, холодное лицо человека в очках.

Всё позади: любовь, слава, словесность, государство. Он полно и честно рассчитался с жизнью и с самим собой, абсолютно свободен и ничем не обременён. Он вправе начать свой ПУТЬ.

